

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)**

Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований

ОТЗЫВ

на научно-квалификационную работу (диссертацию) аспирантки 3 курса,
обучающейся по направлению 45.06.01 – языкознание и литературоведение,
специальность: 10.01.01 – русская литература

Захаровой Ярославы Андреевны

по теме «Поэтика Д.А. Пригова (историко-литературные
и перформативные аспекты)»

Несмотря на то, что интерес академического сообщества к творчеству Д.А. Пригова достаточно устойчив и число посвященных этому автору работ становится все больше, рассматривать природу его художественного высказывания, соединяющую «литературное» и «перформативное», исследователи стали относительно недавно (см., например, статью И. Кукулина и М. Липовецкого «Теоретические идеи Пригова» (2014), в центре которой – динамика приговских представлений о «перформативности»). Очевидно, что такой подход предполагает выход за пределы апробированных литературоцентричных стратегий анализа текста и обновление исследовательского инструментария. В своей научно-квалификационной работе Я. Захарова решает эти довольно сложные задачи, рассматривая литературные тексты Пригова, его перформансы и медиа-проекты через призму лингвопрагматики. Понятно, что при существующем многообразии посвященных Пригову работ и исследовательских стратегий их авторов обращение Я. Захаровой к анализу коммуникативных измерений языка и «жеста» трудно счесть чем-то исключительно инновативным (тут уместно вспомнить статьи П. Арсеньева, развивающего в свою очередь наблюдения

М. Ямпольского), однако автору научно-квалификационной работы удастся предложить оригинальные, исследовательски продуктивные интерпретации приговских текстов и выступлений. В представленном для рассмотрения варианте научно-квалификационная работа Я. Захаровой содержит введение, три главы и список литературы, включающий 173 наименования.

На первом плане в рассматриваемой научно-квалификационной работе оказываются преимущественно тексты и перформансы Пригова, позволяющие обсуждать способы работы с традицией русской классической литературы и советским идеологическим языком (1 и 3 главы). С одной стороны, способы эти характерны для «операционального менталитета» концептуализма и практиковались многими художниками и литераторами из московского концептуалистского круга, с другой стороны, их использование Приговым в некоторых отношениях (например, степень теоретической отрефлексированности, изобретательность применения по отношению к художественным языкам с «тоталитарным» потенциалом) уникально. В первой главе работы на материале анализа саунд-перформанса «Мантра высокой русской культуры» Я. Захарова показывает, как метод Пригова имитирует «тотализующую» и трансформативную природу классического высказывания (речь о «прецедентном тексте» – четырех стихах первой строфы «Евгения Онегина») путем вокально-перформативной деконструкции мифа о «всемирности» и «всеотзывчивости» пушкинского гения. Приговский перформанс, как следует из наблюдений диссертанта, лишней раз обнаруживает, что представления о Пушкине как о «главном» поэте русской литературы, эмблематично воплощающем ее «величие» и не подвластную социально-политическим изменениям аксиологию, организованы так же, как идеологический дискурс, натурализующий сложившийся социальный порядок. И хотя сама по себе эта идея не раз проговаривалась и Приговым и в многочисленных статьях о нем, Захарова предлагает новый ракурс анализа «операционального» приговского жеста, связанный с «вокализацией», голосом как инструментом разыгрываемого действия. В ее

трактовке произнесение текста «Евгения Онегина», преломляющее традицию авангардистских подрывных практик (у Пригова художник не просто ниспровергатель устоявшихся символических-риторических и рецептивных схем, но переводчик на различные культурные языки), аккумулирует в себе характеристики обычно противостоящих друг другу «декламации» и «саунда» и становится чем-то вроде «инварианта» публичной артикуляции поэтического текста, содержащего в себе потенциальное множество вариантов и возможностей драматического «озвучивания».

Во второй главе внимание автора работы сфокусировано на постоянных персонажах литературных и изобразительных произведений Пригова – монстрах, а также на представлениях о монструозности, в равной степени имеющих отношение и к приговской индивидуальной эмоционально-психологической «синдроматике» (трансформативность и мимикрия как способы «ускользания» и защитная стратегия), и к критике эссенциализма (о чем, на мой взгляд, в доработанном тексте НКР следует сказать более подробно) и текстоцентризма, и к интенсивно обдумываемому Приговым конструкту «новой антропологии», которая должна была проблематизировать конвенциональную «телесность» и нормативное для европейской традиции понимание субъекта / субъектности. Мне представляется, что эта глава содержит целый ряд продуктивных идей (в частности, представление о монструозности как об антропологическом фрейме существования поэта–художника–актера, допускающем взаимную трансформацию текста, изображения и перформанса), однако некоторые из них нуждаются в историко-культурной контекстуализации.

Наконец, в третьей главе при помощи лингвопрагматической оптики на материале «Обращений к гражданам» проанализировано характерное для приговской поэтики «единство текста и коммуникативного действия» (с. 75). Принципы работы Пригова с советским языком занимали исследователей с момента вхождения поэта в публичное пространство советской культуры в

конце 1980-х, но Я. Захаровой в данном случае удалось переосмыслить их в теоретически обновленной перспективе и новых культурных контекстах.

В целом научно-квалификационная работа Я.А. Захаровой достаточно полно отражает итоги трехлетнего обучения в аспирантуре, соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, и заслуживает высокой оценки. После соответствующей доработки представленная работа может быть рекомендована к защите.

Старший научный сотрудник
ИРЛИ РАН, канд. филол. наук

А.И. Разувалова